Problemy istorii, filologii, kul'tury
3 (2026), 193–206
© The Author(s) 2026
DOI: 10.18503/1992-0431-2026-3-93-193–206

Проблемы истории, филологии, культуры
3 (2026), 193–206
©Автор(ы) 2026

ДРЕВНЕЙШЕЕ (ВЕТХОЗАВЕТНОЕ И АНТИЧНОЕ МИФОЛОГИЧЕСКОЕ) ПРОШЛОЕ В «ХРОНИКЕ» ИОАННА НИКИУСКОГО

М.М. Холод

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mmkholod@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6834-2010

В настоящем очерке в центре внимания находится начальная часть «Хроники» Иоанна Никиуского (конец VII в.), та, где описаны события ветхозаветного и античного мифологического прошлого (гл. I–L, LII–LV). Автор очерка приходит, помимо прочего, и к тому выводу, что при ее составлении Иоанн не особенно заботился об ее содержательной отделке, видя в ней пусть и необходимый, но все же сравнительно малозначимый раздел создаваемого сочинения, призванный главным образом к тому, чтобы служить введением к описанию им последующих, более важных, с его точки зрения, событий.

Ключевые слова: Иоанн Никиуский, «Хроника» Иоанна Никиуского, Ветхий Завет, античная мифология, Иоанн Малала, византийские хроники

«Хроника» Иоанна, епископа города Никиу в Египте[1], написанная то ли на греческом, то ли на коптском языке в конце VII в. (и сохранившаяся в переводе на геэз, сделанном в 1601 г. с арабского перевода оригинала, также до нас не дошедшего), в общем не избалована широким к себе вниманием[2]. Более того, хотя в ней описываются события начиная от сотворения мира, ученые обращаются к этому сочине-

Данные об авторе. Максим Михайлович Холод – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ.

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00493-П, выполняемый на базе СПбГУ.

[1] Издание: Zotenberg 1883, с франц. пер. и комментарием. Пер. на англ. с кратким комментарием: Charles 1916. Новое издание первой части «Хроники» (по гл. LXXX включительно): Elagina 2018, с англ. пер. и комментарием.

[2] Общую информацию об Иоанне Никиуском и его «Хронике», а также ее последующих переводах (с указанием более ранних релевантных исследований) см., в частности: Frazer 1991; Witakowski 2006, 288–289; Weninger 2007; Fiaccadori 2009; Howard-Johnston 2010, 181–189; Французов 2010a; 2010b; Elagina 2018, xxvi–xliv. Относительно того, что перевод «Хроники» на арабский яз. был сделан, скорее всего, в конце XII–XIII вв., см.: Французов 2010b, 80. О том, как это произведение переводилось с арабского на геэз в 1601 г., и о его эфиопских переводчиках см.: Gusarova 2022. Что же касается языка, на котором был написан оригинал «Хроники», то он точно неизвестен. На сегодняшний день спор ведется в основном о том, был ли первоначальный текст сочинения полностью коптским либо греческим. По поводу этого теперь см. особенно: Frantsouzoff et al. 2025.

нию, как правило, лишь при изучении ранней Византии, прежде всего перипетий арабского завоевания Египта, упуская таким образом из вида значительную часть его повествования. Неудивительно поэтому, что не только конкретные сюжеты, но и целые разделы, содержащиеся в данной части, выпадают из поля зрения исследователей, которые не находят в них, за редким исключением, ничего особенно примечательного[3]. Ниже, в настоящем очерке, мы намерены подробно рассмотреть как раз один из таких разделов – тот, в котором речь идет о событиях ветхозаветного и греко-римского мифологического прошлого (имея при этом в виду, что, насколько нам известно, он отдельно никогда не становился предметом изучения).

Описание событий древнейшего прошлого, как они представлены в Ветхом Завете, а также отражены в античной мифологии, занимает в «Хронике» Иоанна Никиуского довольно большое место – от гл. I, т.е. с первых строк повествования (где упоминаются Адам и Ева), по гл. L (рассказ об Иеремии, укрывшем Ковчег завета Господня и другие реликвии Храма перед его разрушением Навуходоносором), а затем – после изложения истории персидских царей из династии Ахеменидов – с гл. LII (пребывание Энея в Италии) по гл. LV (рассказ о царице Дидоне). Дальше же Иоанном Никиуским описываются события, которые относятся собственно к историческим, – разумеется, с нашей точки зрения, а не хрониста, для которого все, что он излагал и до этого, происходило на самом деле, было подлинным (отсюда – появление у него здесь время от времени рядом с ветхозаветными и античными мифологическими персонажами настоящих исторических фигур – в частности, египетских фараонов Хеопса/Хуфу[4] и Сабака/Шабака или того же Навуходоносора и некоторых из Ахеменидов). Ничего необычного в таком представлении материала в начальной части данного сочинения, однако, нет: ровно то же самое, – когда сперва излагаются события, взятые из Ветхого Завета и из античной мифологии (с периодическим включением в них некоторых реальных фактов), а уже потом следует описание собственно исторического прошлого, – мы обнаруживаем и в других литературных произведениях подобного рода, в том числе в «Хронографии» Иоанна Малалы (VI в.) – главного источника для Иоанна Никиуского в данном случае (а равно, хотя не без оговорок, и затем – вплоть до рассказа о правлении Юстиниана I). Нет опять-таки ничего необычного и в том, что у Иоанна Никиуского, как и у Малалы, представлена эвгемерическая трактовка греко-римской мифологии, по которой античные боги и герои – всего лишь выдающиеся личности древности, обожествленные и/или прославленные потом людьми за их деяния, а мифы, имеющие к ним отношение, – искаженные, таким образом, реальные события: подобная трактовка, традиционно связываемая с именем раннеэллинистического философа Эвгемера, была весьма популярна у христианских писателей, включая и средневековых, ибо она позволяла согласовывать библейскую историю с обширным наследием греко-римской мифологии, с которым приходилось так или иначе считаться.

[3] Правда, надо сказать, что интерес к этой части «Хроники», к отдельным сюжетам исторического характера, здесь представленным, усилился в последнее время. См., к примеру: Холод 2022 (Александр Великий); 2023 (македонские цари из династии Аргеадов, включая Александра Великого); 2024a (Кир Великий); 2024b (Камбис); Копанева 2022 (Нерон); Василик, Копанева 2022 (Константин Великий); Ладынин 2024; 2025a (Хеопс и солнечный культ при правителях первых династий в Египте).

[4] В тексте Иоанна Никиуского он назван как *Фа'авэнджуйус* (XIX. 1). О том, что это именно Хеопс/Хуфу, см. теперь особенно: Ладынин 2024, 23–24.

Как уже было сказано, главным источником, откуда Иоанн Никиуский черпал свои сведения о событиях древнейшего, в том числе и античного мифологического прошлого являлось сочинение Малалы. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить один из фрагментов повествования Иоанна Никиуского с соответствующим пассажем из труда Малалы – к примеру, их рассказы о герое Персее (имея к тому же в виду, что у Иоанна Никиуского этот рассказ – один из наиболее подробных в интересующей нас части его труда):

Ioann. Nic. (Elagina)[5]:

XXI. [1] Был один муж по имени Персей. И возжелал он Ассирийского царства. И взревновали к нему сыновья Нина, брата отца его, сиречь Зевса. [2] И когда отправился он в область <Ливии>[6], то встретилась ему юная девица, которая шла одна. [3] И схватил он ее за волосы, и отрубил он ей голову мечом, и поместил он голову в сумку[7] девицы, что была (теперь) с ним, следуя той одержимости, коей его обучил отец его Зевс. [4] И носил он ее с собой на всякий бой, на коий выходил. [5] И когда отправился он (дальше), то двинулся вниз в Эфиопию и вернулся (затем) в Ассирию. А когда ликаонцы вступили с ним в сражение, то взял он голову девицы-колдуньи Горгоны, показал им и победил их. [6] И построил он город Иконий, а то был маленький город, коий назывался прежде Амандра, ведь там поставил он пред (ним) образ свой с нечистой Горгоной[8]. [7] И когда пошел он на область Исаврию и Киликию, то также сражались они (т.е. их жители. – *М.Х.*) с ним, и победил он их благодаря действию чар, что были в голове Горгоны. [8] А киликийский город, коий назывался Андрас, сделал он столицей (и) называл его Тарс[9]. [9] И из Киликии пошел он в страну Сирийскую, и в том месте также (встретился?) другой[10] – Сарданапал, а имя это – тронное. [10] А тот (т.е. Персей. – *М.Х.*) отверг своих сородичей, разграбил свое царство, изменил имя страны и назвал ее

[5] Пер. с геэза пассажа, данного ниже, сделан С.А. Французовым, за что мы ему весьма благодарны. Перевод выполнялся по изданию: Elagina 2018.

[6] Вслед за А. Зотенбером принимаем интерпретацию ቶሮንቶስ፡- как искаженного греч. χώρᾳ τῆς…, а равно и отождествление этой области с Ливией, взятое им у Малалы (II. 11; см. ниже) (Zotenberg 1883, 249, n. 2).

[7] Согласно Т. Нёльдеке, ሰንተራ፡- – это скорее «сумка» (Nöldeke 1883, 1373). Такое значение этого слова представляется в данном случае вполне убедительным. Ср.: Elagina 2018, 37, n. 155.

[8] Это – этимологическая легенда, которую в связи с Иконием передает Малала (Εἰκόνιον ← εἰκών, «изображение», т.е. изображение, якобы поставленное Персеем у ворот этого города в честь его первой победы с помощью головы Горгоны – II. 11; см. ниже). Для читателя-копта, если считать, что оригинал «Хроники» Иоанна Никиуского был написан все-таки на коптском языке, данная легенда была бы тоже понятна, ибо греч. слово εἰκών употреблялось и в коптском (см., к примеру, коптский перевод Библии, где оно встречается периодически).

[9] Здесь же Иоанн Никиуский опускает этимологическую легенду, относящуюся к Тарсу, которую рассказывает Малала. По Малале (II. 11; см. ниже), в Андрасе Персей поставил свою ступню на землю, когда слез с коня, согласно полученному оракулу, возвещавшему ему после этого победу, и, победив, переименовал данный город в Тарс (Ταρσός ← ταρσός, «ступня»).

[10] Налицо явная порча текста. Но если следовать как Малале (II. 11), так и дальнейшему изложению событий у самого Иоанна Никиуского, то в данном месте речь должна была идти о победе Персея над Сарданапалом. Сарданапал – легендарный правитель Ассирии, по представлениям античных писателей, последний ее царь. Его историческими прототипами являлись либо Ашшурбанапал (669 – ок. 635/27 гг. до н.э.), либо его сын Син-шар-ишкун (или оба вместе), при котором Ассирийское царство действительно было разгромлено, а во время падения ее столицы Ниневии погиб он сам (612 г. до н.э.). Так или иначе, закрепившийся в античной традиции образ Сарданапала

Ассирией персов по имени своему, царство же их – другим именем. [11] И когда он упразднил то имя, то посадил там ростки деревьев, которые называются мирт, сиречь слива. [12] И еще доныне сажают они те ростки в память об имени его. А персы были ассирийцами в то время, и царствовал он над ними всеми 53 года. [13] И когда случились землетрясение, рев (ветра), обильные дожди, то быстро наполнилась река, что в Ассирии, называемая Оронт. [14] И снизошел огонь в виде шара с неба, подобно молнии. [15] И умолкли люди, и оставили они неприязнь, и остановилось течение реки. [16] И когда удивился Персей случившемуся, то сказал, что иониты, которые содеяли это, – служители ада, водящиеся с бесами. А огонь в то время все горел, и поддерживали тот огонь. [17] И потому взял он его, перенес в Персию при возвращении своем и установил его в царстве Ассирийском. [18] А персы сделали его божеством, стали почитать его, построили для него храм и назвали его «Огнем Неугасимым». [19] Об огне же говорили они «Сын Солнца», коий завернут в кристалл, а форма кристалла напоминает коробочку хлопка, цвет которого подобен воде, ибо рождается он от воды и середина его похожа на воду.

Ioann. Mal. (Thurn)[11]:

II. [11] А у упомянутого выше Пика, сиречь Зевса, имелся раньше еще и другой, рожденный после Гермеса и Геракла, сын – Персей, от прекрасной женщины по имени Даная, дочери Акрисия, происходившего из области Аргивской. Рассказал о ней миф в своей драме мудрейший Еврипид, а именно, что Данаю поместили в какой-то ящик и бросили в море, ведь соблазнил ее Зевс, обратившийся золотом. Мудрейший же Буттий, историк и хронограф, поведал, что Пик, сиречь Зевс, смог склонить ее к себе, когда она находилась в опочивальне возле моря, убедив ее многим золотом. И, похитив ее, ведь была она прекрасна, соблазнил он ее, и от нее у него был сын по имени Персей, упомянутый выше.

Пишут, что Персей имел крылья, так как был очень быстрым с детских лет. И с этих вот пор отец его Пик, сиречь Зевс, обучал Персея проделывать и сотворять колдовство с помощью отвратительной чаши, научив его посредством нее всяким таинственным и нечестивым чарам. И говорил он ему: «Победишь ты через это всех противников и неприятелей своих и всякого враждебного человека, и все, кто взглянут на лицо это Горгоны, ослепнут и застынут, будто мертвые и сраженные тобою». И в остальном увещевал Персея отец его Пик, сиречь Зевс.

Позднее же, когда после смерти отца своего Пика Персей возмужал, возжелал он царства ассирийцев. Но относились к нему со злобой дети Нина, дяди его, брата отца его. И, получив ответ оракула, отправился он в область Ливии. И встретилась на пути Персею одна девица, дева местная, имевшая лохматые волосы и дикие глаза. И, остановившись, спросил он ее: «Как зовут тебя?» А она сказала со всей откровенностью: «Медуза». И схватил он ее за волосы, и отсек он ей голову серповидным мечом, коий носил. И, взяв ее голову, тотчас сотворил Персей над ней таинственным образом, как был научен отцом своим Пиком, чары отвратительного колдовства. И носил он ее впредь в помощь себе против всех противников и неприятелей для их подчинения и уничтожения, а голову назвал Горгоной

как царя, проводившего жизнь в плотских удовольствиях, весьма далек от того, какими были в реальности оба этих правителя.

[11] Пер. ниже – наш.

из-за быстроты помощи и из-за действенности против врагов[12]. И оттуда, пройдя через эту местность, прибыл Персей в область Эфиопии, над которой царствовал Кефей. И, обнаружив там храм Посейдона, вошел он в него, и увидел он оставленную в храме девицу, отданную сюда по приказу ее отца Кефея, а звали деву Андромеда. И вывел он ее из храма, и, соблазнив, ведь была она прекрасна, сделал он ее женой. И, отплыв, вернулся Персей обратно из области той.

Направляясь же к стране ассирийцев, прибыл он в область Ликаонии. И когда ликаонцы узнали об этом, то тотчас оказали сопротивление и сразились с ним. Но Персей, прибегнув к помощи головы Горгоны, победил их. И, обнаружив деревню по имени Амандра, сделал он ее городом. И поставил Персей там за воротами стелу с изображением Горгоны, и, совершив жертвоприношение, назвал он Тихе города по имени своему Персидой. Стоит стела эта в нем и по сей день. И нарек Персей город этот Иконием, ибо получил там изображение первой своей победы с Горгоной[13]. И подчинил он остальные части этой области без сопротивления. А придя в Исаврию и Киликию и встретив сопротивление врагов своих, получил Персей следующий оракул: «Когда сойдешь с коня своего и поставишь ступню свою на землю, да одержишь ты победу!» И, сойдя с коня своего в деревне под названием Андрас, поставил Персей там ступню свою. После же того, как одержал он с помощью Горгоны победу, сделал он эту деревню городом и назвал ее Тарсом по оракулу о ноге своей[14]. И принес Персей в жертву для очищения города непорочную девицу по имени Парфенопа. А когда воздал он благодарность, отправился он оттуда через гору Аргей против ассирийцев. И, победив их и убив Сарданапала, царя их, происходившего из рода его, подчинил их себе Персей. И царствовал он над ними 53 года, и назвал он их персами по имени своему, лишив ассирийцев таким образом и царства и имени. И посадил Персей деревья, и назвал он их «персеи», не только там посадил он персеи, но и в землях Египетских в память о себе[15]. Научил он персов и обряду с отвратительной и безбожной чашей Медузы, и из-за учения этого назвал он область их областью мидийцев[16].

[12] Узнал Персей после того, как процарствовал над страною Персидской много лет, что в области Сирийской живут иониты из Аргоса, и прибыл он к ним в Сирию на гору Сильпий как к своим родственникам. Они же, приняв его со всем почетом, совершили перед ним земной поклон. А когда опознали его эти аргивя-

[12] Греч. γοργός – «стремительный, энергичный, ретивый».

[13] См. выше прим. 8.

[14] См. выше прим. 9.

[15] Персеи (*mimusops laurifolia*) – деревья средней высоты, остающиеся зелеными круглый год, встречаются в горных районах Эфиопии и Йемена. Они были отлично известны в древнем Египте (упоминаются в египетских текстах с правления XVIII династии, 1550–1292 гг. до н.э.). Их египетское наименование – *Swb* (Erman, Grapow 1930, 435:10–14). От этого корня происходит и название мумиеобразных статуэток шабти/шавабти (ушебти) (Erman, Grapow 1930, 435:15–16). В коптском яз. название этого дерева такое же – ϣογн(н)в, ϣογє (саид.), ϣвє (бохайр.), но есть и варианты – персаіа, персшіас (явно под влиянием греч.) (Crum 1939, 603a). Хорошо знали о персеях и в греко-римском мире (Theoph. Hist. plant. IV. 2. 5; Diosc. De mater. med. I. 187; Plin. Nat. hist. XIII. 17; XV. 13, с указанием на то, что их нередко ошибочно путают с персиковыми деревьями – *persica*). О персеях см. теперь, в частности: Gale, Gasson, Hepper, Killen 2000, 342.

[16] Название страны Мидии/мидийцев Малала пытается вывести, следовательно, из его созвучия с именем Медузы (Μηδία ← Μέδουσα), повторяя тем самым взятую им откуда-то соответствующую этимологическую легенду.

не-иополиты, а именно, что происходит и он из рода аргивян, то, возрадовавшись, воспели его. Но случилась буря и сильно разлилась река, протекавшая возле города ионитов, под названием Драконт, а ныне Оронт, и попросил Персей ионитов помолиться. И в тот момент, когда молились они и совершали таинственные действия, снизошел с неба шар огня от молнии, коий привел к тому, что прекратилась буря и оказался сдержан поток реки. И Персей, удивившись случившемуся, тотчас же зажег огонь от огня этого и, оберегая, имел его при себе. Возвращаясь, унес он этот самый огонь в страну Персидскую, в царство свое. И научил он людей почитать этот огонь, коий, говорил он им, увидел он снизошедшим с неба. И почитают персы огонь этот по сей день как божественный. Персей же основал для ионитов храм, коий назвал «Храмом Огня Неугасимого». Равным образом основал он храм огня и в стране Персидской, поставив служить ему там богобоязненных мужей, коих назвал магами. А написал об этом Павсаний, мудрейший хронограф.

[13] Спустя время царь Кефей, отец Андромеды, придя из Эфиопии, повел войну против Персея. А Кефей был незрячим из-за старости. Персей, услышав, что Кефей ведет войну, сильно разгневался. И выступил он против него, неся голову Горгоны, и показал он ему ее. Но незрячий Кефей напал на него верхом на коне. И Персей, не зная, что тот не видит, счел, что голова Горгоны, кою он держал, больше не оказывает воздействия. И, повернув ее к себе, взглянул он на нее, и, ослепнув, застыл он, будто мертвый и сраженный. А затем царствовал над персами сын Персея и Андромеды Меррос, поставленный дедом своим Кефеем, царем Эфиопии. И, приказав, чтобы отвратительная голова Горгоны была сожжена, ушел Кефей в страну свою. Род же Персея после этого остался царствовать над областью Вавилонской.

Итак, как можно заметить, Иоанн Никиуский, перекладывая у себя рассказ Малалы о Персее, сильно его сократил. Он выпустил оттуда не только длинный ряд отдельных деталей, но даже и целые эпизоды: вначале – о браке Данаи и Пика-Зевса и детстве Персея, дальше – о походе Персея в Эфиопию и его браке с Андромедой, наконец, – о гибели Персея и урегулировании после этого дел в его царстве. Да и те эпизоды, которые Иоанн Никиуский все же оставил в своем изложении, оказались у него также немало сокращены – в частности, рассказ о прибытии Персея на берега Оронта и снизошедшем там с неба огненном шаре, а затем об установлении в Персии зороастризма (13–19). При этом очевидно, что произведенные Иоанном Никиуским сокращения отнюдь не всегда можно назвать удачными, как и переиначивание им по-своему части тех сведений Малалы, которые он у себя сохранил – результатом этого стали неясность в изложении некоторых событий, путаница, а иногда и откровенные ошибки.

Так, бросается в глаза, что Иоанн Никиуский «отправляет» Персея в Эфиопию, но, грубо сократив затем текст Малалы, тут же «возвращает» его обратно, причем сразу в Ассирию (5), а не на путь к ней, как указано у его источника, – в области Малой Азии, т.е. в Ликаонию, Исаврию и Киликию. К тому же Иоанн Никиуский полностью опускает этимологическую легенду, связанную с Тарсом (8), которую приводит Малала, так что в итоге читателю оставалось только гадать, почему Персей назвал Андрас именно Тарсом. Далее, Иоанн Никиуский явно неверно понял утверждение Малалы о переименовании Персеем ассирийцев в персов, превратив его у себя в итоге в бессмыслицу (10, 12), а заодно и перепутал Сирию с Ассирией, вследствие чего получилось, что Оронт у него стал протекать не в

первой, как должно быть, а во второй (9, 13). (Впрочем, справедливости ради отметим, что причиной подобной путаницы у Иоанна Никиуского вполне мог быть и сам Малала, который в других частях своего сочинения нередко говорит об Ассирии/ассирийцах, Персии/персах, Мидии/мидийцах и Вавилонии/вавилонянах как об одном и том же, а в случае двух последних – в том числе и в рассказе о Персее.) Кроме того, Иоанн Никиуский неверно идентифицировал упоминаемые Малалой персеевы деревья (11), хотя они и были отлично известны в его родном Египте (возможно, однако, что путаница здесь произошла позднее – уже из-за некомпетентности в этом переводчиков его произведения). Ну и, наконец, если у Малалы в эпизоде с огненным шаром иониты предстают полностью в положительном свете, то коптский хронист пишет о них негативно (16) – вероятно (если, конечно, считать, что он изначально понял текст правильно), вследствие указания Малалы на творимые ими в тот момент, помимо молитв, некие «таинственные действия» (μυσταγωγεῖν), которые могли быть восприняты Иоанном Никиуским как проявление богопротивного колдовства (к тому же не исключено, что на такое его отношение к ионитам был способен повлиять и более ранний, выпущенный у него, рассказ о них Малалы, который придает этим поселившимся в Сирии аригивянам явно мистический ореол – II. 6).

Что же касается добавлений, которые Иоанн Никиуский внес в свой текст, перелагая рассказ Малалы о Персее, то их в целом немного. В основном они не несут никакой новой важной информации и, насколько можно судить, были нужны ему лишь для того, чтобы еще больше, чем это есть у Малалы, украсить и/или драматизировать повествование (особенно в этом отношении выделяется все тот же эпизод с огненным шаром). Между тем в рассказе Иоанна Никиуского о Персее имеется одно предложение (19), которого у Малалы нет. Это – дополнение к концу весьма странного описания последним введения в Персии зороастризма (с его особым почитанием огня, на чем Малала и делает акцент). Понятно, что данное предложение, отличающееся крайней неясностью, было составлено Иоанном Никиуским на основании информации, взятой уже из другого источника.

Проведенное таким образом сравнение рассказов Иоанна Никиуского и Малалы о Персее показывает, что основные отличия между ними обусловлены сокращением коптским хронистом текста своего предшественника (довольно сильным), некоторым переиначиванием тех сведений, которые он от него у себя оставил, а также рядом сделанных им к этому добавлений.

Более того, если сравнить и остальную часть труда Иоанна Никиуского, описывающую события древнейшего, в том числе и мифологического прошлого, а именно те пассажи, для которых главным источником выступало сочинение Малалы, с текстом последнего, то стает ясно, что все вышесказанное относительно рассказа о Персее можно отнести и на ее счет (разница, которая наблюдается в случае этих пассажей, состоит лишь в степени переработки Иоанном Никиуским для своего труда того или иного эпизода, взятого у Малалы). Опять-таки сравнение начальных частей обоих этих произведений позволяет говорить, что обычно Иоанн Никиуский довольно четко придерживался той последовательности в изложении материала, которая была задана Малалой, причем это относится как к его соответствующему повествованию в целом, так и к отдельным историям, в нем содержащемся. От такой последовательности он отходит только в нескольких ме-

стах (если не учитывать незначительные отклонения этого рода), либо добавляя здесь к сведениям, взятым у Малалы, информацию уже из дальнейшего его изложения, либо, наоборот, приводя сведения, которые у того встречались раньше, но были Иоанном Никиуским до сих пор не отражены (в частности: XX, ср.: Ioann. Mal. II. 8 – об открытии философом Гераклом Тирским шелка/пурпура в царствование Финика; XXII, ср.: Ioann. Mal. II. 7 – о царствовании в Аргосе Инаха; XXIII. 2, ср.: Ioann. Mal. VII. 4 – о наречении Посейдоном страны, где он правил, по имени своей жены Ливии). В свою очередь, при подобном сравнении бросается в глаза и то, что Иоанн Никиуский оставил полностью без внимания весьма важные с точки зрения библейской истории и античной мифологии события, включая те, которые занимают в повествовании Малалы значительное по объему место. Действительно, у Иоанна Никиуского выпали, к примеру: сообщение Малалы о Ное и Потопе и последующем расселении потомков Сима, Хама и Иафета по земле (I. 4, 6); весь, кроме походя сделанного Иоанном Никиуским намека на историю Эдипа (XXV), беотийско-фиванский мифологический цикл, в том числе и история Диониса (II. 14–17); описание событий на Крите в правление Миноса, переходящее у Малалы в рассказ о Тесее (IV. 16–19); опять-таки весь – представленный у Малалы довольно подробно – троянский мифологический цикл (IV. 10–11; V. 1–37), за исключением брошенных Иоанном Никиуским буквально вскользь отдельных фраз о Тросе, Пелее, Приаме и Гекубе, а также ахейском герое Паламеде (XLV–XLVII); наконец, рассказ о том, что происходило в Иудее после правления Соломона, причем столь весьма важное событие, как захват Иерусалима Навуходоносором и увод им иудеев в плен (V. 39–VI. 1), упомянуто Иоанном Никиуским лишь между прочим, в рамках истории о сокрытии Иеремией Ковчега завета Господня и других реликвий Храма перед его сожжением вавилонским царем (L. 1). Вместе с тем примечательна и выборка Иоанном Никиуским того, что он все же оставил у себя из текста Малалы: нередко это либо только часть, либо вообще не слишком значимые сведения, отсутствие которых – в отличие от многих выпущенных им – едва ли бы, пожалуй, сильно сказалось на качестве содержания начальных глав его сочинения. Так, приступив к переложению рассказа Малалы об Эдипе (XXV, ср.: Ioann. Mal. II. 17), Иоанн Никиуский его резко прерывает, а потому оставляет своего читателя в полном неведении о дальнейшей судьбе этого героя, прежде всего о том, какая катастрофа ждала его в будущем; далее, из числа героев-участников боев под стенами Трои он пишет лишь об одном Паламеде (правда, несколько иначе, чем Малала) (XLVI, ср: Ioann. Mal. V. 9), не удосужившись при этом уделить и слова самым известным из них – скажем, Агамемнону, Ахиллу, Одиссею или Гектору; кроме того, упомянув лишь между делом о разгроме Иерусалима Навуходоносором (L. 1), Иоанн Никиуский в то же самое время сообщает у себя о захвате этим царем Пальмиры (XLVIII. 5, ср.: Ioann. Mal. XVIII. 2), а затем еще и описывает особо взятие им Тира (XLIX, у Малалы данный сюжет отсутствует).

В результате такого использования Иоанном Никиуским сведений из сочинения Малалы в его труде сложилась, как это можно видеть, довольно странная, мозаичная картина событий из ветхозаветного и греко-римского мифологического прошлого: об их строгой системности, упорядоченности здесь – в отличие от самого произведения Малалы, которому это в принципе, пусть и не без оговорок, присуще, – говорить явно не приходится.

Не улучшает ситуацию и та информация, которая была внесена Иоанном Никиуским в свой текст уже из других источников. В интересующей нас части его произведения таких заимствований обнаруживается в целом немало – как в виде отдельных фраз либо предложений, сделанных им для дополнения или уточнения сведений, взятых у Малалы, так и в виде целых (больших или меньших) пассажей, вставленных им в контекст своего опирающегося на труд Малалы повествования. Чтобы проиллюстрировать первый случай, достаточно указать, к примеру: на сообщение Иоанна Никиуского о том, что Пик-Зевс, выступив против Крона, его убил, ведь тот пожирал собственных детей (VI. 5, ср.: Ioann. Mal. I. 10); на приведенное выше описание им обожествленного персами огня, который был перенесен к ним Персеем с берегов Оронта (XIX. 19, ср.: Ioann. Mal. II. 12); на уточнение коптским хронистом того, что фараон Петиссоний, правивший в Египте при Моисее, есть Амасис[17] (XXX. 1, 7, ср.: Ioann. Mal. III. 11–14); на его указание об основании Пелеем города Пелусия/Фарэмā[18] (XLV, ср.: Ioann. Mal. V. 5, 9, 29). Что же касается вставленных пассажей, то тут прежде всего выделяются те, которые имеют отношение к древнейшей, какой она представлялось Иоанну Никиускому, истории Египта (информация, содержащаяся в них, имеет пересечение с тем, что написано у Малалы, лишь в нескольких местах, да и то весьма поверхностное): XII–XIX (большой раздел, в котором говорится о происходившем в Египте от правления Солнца, сына Гефеста, до правления Хеопса), XXX. 11–13 (о египетских божествах после гибели фараона Петиссония при исходе евреев из Египта), XXXI (эпизод из далекого прошлого Никиу, в котором, очень похоже, отразилась местная этимологическая легенда, объясняющая обретение данным городом этого его названия). Другие подобного рода пассажи, которые выделяются также особо (хотя их и меньше, чем посвященных египетским «древностям»), – те, где Иоанн Никиуский приводит сведения, связанные с ветхозаветной историей и подчас с последующей христианской. Из данных пассажей отметим, в частности: XI (о ближайших потомках Мафусаила, в том числе Тувалкаине); XXVII. 11–17 (о Мельхиседеке в дополнение к информации, почерпнутой у Малалы, а также о прозвании иудеев евреями); XXX (о разрушении властью Господа языческого храма в Мемфисе); XXXVIII (о строительной деятельности царя Соломона до того, как он прогневал Бога); XLII (об обретении Константином Великим Святых гвоздей, которыми было прибито к кресту тело Иисуса Христа); XLIX (о захвате Навуходоносором Тира); L (об Иеремии, спрятавшем Ковчег завета Господня и иные реликвии Храма перед его разрушением

[17] В Ветхом Завете, в том числе и в книге Исход, где содержится основная информация об исходе евреев из Египта, тогдашний его правитель называется просто фараоном, так что Петиссоний – это всего лишь вариант его имени, приводимый у Малалы (III. 13–14) и повторяемый вслед за ним Иоанном Никиуским. Более интересно, однако, то, что у Иоанна Никиуского, в отличие от Малалы, этот Петиссоний называется также Амасисом, являвшимся историческим фараоном Египта, который, правда, правил гораздо позже того времени, когда должен был жить Моисей (567–526 гг. до н.э.). Очень похоже, что здесь у Иоанна Никиуского нашла отражение резко негативная по отношению к Амасису традиция, египетская по своему происхождению (о ее существовании в Египте после его завоевания персидским царем Камбисом II в 525 г. до н.э. см. теперь: Ладынин 2025б), которая со временем, уже в христианском Египте, и стала основой для уподобления Амасиса тому фараону, при котором совершился исход евреев.

[18] Греч. Пелусий, араб. ал-Фарамā. Иоанн Никиуский опускает у себя рассказ Малалы, в котором Пелей фигурирует как отец Ахилла и дед Неоптолема (V. 5, 9, 29), но приводит вместо этого, опираясь в данном случае на некий источник, этимологическую легенду, связанную с основанием Пелусия (Πηλούσιον ← Πηλεύς).

Навуходоносором). Кроме того, есть один пассаж, в котором Иоанн Никиуский дополняет сказанное им ранее в нескольких местах об афинском прошлом, а именно сообщает здесь об особых достижениях афинян в деле врачевания (XXXVII).

Вопрос об источниках для всех этих отдельных фраз и пассажей, вставленных Иоанном Никиуским в переложенный им у себя текст Малалы, решается однозначно лишь для ряда сюжетов, имеющих отношение к ветхозаветной истории: это собственно Священное Писание (в частности: XI, ср.: Быт. 4:18–22; XXVII. 11–12, ср.: Пс. 75:2–3; 109:4; XXXVIII, ср.: 3Цар. 2:35, 11:1–13), а в одном случае – сочинение Епифания Кипрского[19], на что указывает сам коптский хронист (L, ср.: 2Мак. 2:4–8).

Определить же источники для других подобного рода мест в его произведении, крайне трудно. Так, учитывая, что Иоанн Никиуский подчас пересказывает ветхозаветный материал именно по Малале, можно лишь предположить его обращение в ряде случаев – где Священное Писание явно не использовалось им напрямую (к примеру: XXVII. 14–17, ср.: Быт. 10:21–25; 11:1–17; 1Пар. 1:18–19[20]; XXXIV, ср.: 4Цар. 2:11; XLIX, ср.: Иез. 29:18) – к неким еще трудам, в которых этот материал находил, как у Малалы, определенное отражение, включая и сугубо церковную литературу. В свою очередь, хотя история обретения Константином Святых гвоздей, приведенная у Иоанна Никиуского (XLII. 1–2), известна от целого ряда более ранних церковных авторов (в частности: Ambr. De ob. Theod. 47–52; Ruf. Aquil. Hist. Eccl. X. 8; Theod. Cyrrh. Hist. Eccl. I. 17), кажется, что основой для коптского хрониста здесь выступало все-таки сочинение Созомена (II. 1): допустить это позволяет – кроме того факта, что Иоанн Никиуский знал и использовал его для своего труда, – непосредственно предшествующее данной истории сообщение коптского хрониста о чудесных исцелениях в храме архангела Михаила в Сосфении (XLI. 13), почерпнутое, судя по всему, как раз у Созомена (II. 3). Правда, очевидно, что эта история о Святых гвоздях подверглась у Иоанна Никиуского переработке: вместо двух гвоздей у него фигурируют три (третий гвоздь был якобы опущен Константином в месте Халкидонской переправы), что позволяет говорить о получении им такого свидетельства из какого-то еще, помимо сочинения Созомена, источника (происходит ли отсюда же и указание Иоанна Никиуского на помещение Константином одного из двух других гвоздей в конское седло, а не в шлем, как у Созомена – περικεφαλαίαν κατασκευάσαι, либо это результат некой путаницы, допущенной позднейшими переводчиками, неясно).

Далее, когда читаешь раздел Иоанна Никиуского о древнейшем прошлом Египта, той части, которой нет у Малалы (XII–XIX), обращает на себя внимание очевидная близость его рассказов о Сесострисе, Сабаке и Хеопсе с тем, что о них написано у Геродота (XVII, ср. Hdt. II. 108–109 – Сесострис; XVIII, ср. Hdt. II. 137 – Сабак; XIX, ср. Hdt. II. 124–126 – Хеопс). Тем не менее отсюда вовсе не следует, что Иоанн Никиуский был знаком непосредственно с сочинением Геродота: если бы это было так, то следов обращения к нему коптского хрониста было бы в его произведении много, чего, однако, не обнаруживается. Скорее всего, Иоанн Ники-

[19] Епифаний (ок. 315–403 гг.) – архиепископ кипрский, отец и учитель Церкви, ересеолог. От многочисленных сочинений Епифания полностью сохранились только два – «Анкорат» («Слово якорное») (374 г.) и «Панарий» («Ковчег») (375–377 гг.). О нем подробнее см., в частности: Фокин 2008, 557–580.

[20] К этому в дополнение см.: Eskhult 2014.

уский опирался здесь на какой-то источник, в котором и были приведены сведения, взятые из соответствующих рассказов Геродота. В свою очередь, весьма примечательно, что порядок, в соответствии с которым он пишет о правлениях Сесостриса, Сабака и Хеопса, совершенно не согласуется, в отличие от Геродота, с их действительной последовательностью. И это еще один аргумент в пользу того, что Иоанн Никиуский использовал в данном случае не собственно сочинение Геродота, а некий труд, в котором такая последовательность уже не была соблюдена (по крайней мере, показательно, что, как было отмечено выше, тогда, когда Иоанн Никиуский опирался на изложение Малалы, он обычно следовал его повествованию четко)[21]. Восходили ли к тому же труду и остальные сведения, представленные Иоанном Никиуским в данном «египетском» разделе, непонятно. Впрочем, имея в виду компактность последнего, это кажется возможным. И раз так, то тогда допустимо предполагать, что труд этот имел египетское происхождение: помимо соответствующей общей тематики, обращает на себя внимание и известная специфичность приводимой в данном разделе информации, в том числе топографического характера (хотя, конечно, что-то из этого могло быть добавлено в текст и самим Иоанном Никиуским – к примеру, упоминание о существовании еще и в его дни канала Дик: XVII. 4). Более того, учитывая эвгемерическую трактовку представленных здесь событий, можно думать, что такой труд был написан не раньше позднеэллинистического времени, а скорее – уже в римский период. Опять же отнюдь не исключено, что именно к этому труду относились и другие вставки Иоанна Никиуского, касающиеся древнейшего прошлого Египта, правда, вероятно, не все: во всяком случае, сюжет из истории Никиу (XXXI), основывающийся, насколько можно судить, на местном предании, явно выбивается из событий общеегипетского значения, которые приводятся коптским хронистом в интересующей нас части его сочинения.

Если, однако, насчет источников Иоанна Никиуского, помимо Малалы, для описанных в его сочинении ветхозаветных и египетских «древностей» (а в одном случае и для событий христианской истории) еще что-то можно предположить, то для ряда мест – вне этой тематики – сказать нельзя даже и такого: то, откуда он взял для них сведения, остается полностью неясным (в частности, для сообщения о том, что Пик-Зевс убил Крона, пожиравшего своих детей – VI. 5; для описания обожествленного персами огня, перенесенного к ним в страну Персеем – XIX. 19; для указания, в котором отразилась этимологическая легенда, связанная с основанием Пелеем Пелусия/Фарэмā– XLV; для свидетельства о Паламеде как о первом, кто стал учить игре на музыкальных инструментах – XLVI; для пассажа об особом преуспеянии афинян в области медицины – XXXVII).

Попробуем в конце ответить на вопрос: почему же описание ветхозаветного и античного мифологического прошлого, приходящееся на начальную часть «Хро-

[21] Были ли почерпнуты Иоанном Никиуским из того же самого труда и некоторые сведения, отсутствующие в рассказах Геродота об этих египетских правителях, сложно сказать. Так или иначе, кроме прочего, в гл. XIX обращает на себя внимание информация (более нигде не фигурирующая) о том, что Хеопс «заставил египтян почитать Солнце» (2). Очень может быть, что здесь мы встречаемся – в передаче Иоанна Никиуского – с египетской традицией, отражающей реминисценции о сложении при фараонах IV династии представления о верховном солнечном боге Ра. Об этом см.: Ладынин 2024; 2025а, где к тому же доказывается (в том числе и с учетом еще одного свидетельства Иоанна Никиуского – о правлении после Гефеста/Солнца его сына, также именовавшегося Солнце: XII), что почитание бога Ра берет свое начало раньше, по меньшей мере, со II династии.

ники» Иоанна Никиуского, оказалось у него в целом мозаичным, малоупорядоченным, где отдельные важные события из этого прошлого не получили должного либо вообще никакого внимания, а целый ряд второстепенных, напротив, нашел определенное место (и это притом, что у Иоанна Никиуского были, конечно, все возможности сделать иначе, если бы он, скажем, просто продуманно, взвешенно сократил соответствующие разделы труда Малалы, добавив при необходимости к его сведениям – для их уточнения или исправления – информацию, почерпнутую из других источников[22])? То, что Иоанн Никиуский оказался попросту неспособен разобраться в том, что здесь важно, а что нет, – такой приходящий сразу на ум ответ нужно признать несостоятельным: он еще мог бы быть допустим для греко-римского мифологического материала, но никак не для ветхозаветного, с которым коптский хронист был, разумеется, отлично знаком. Поэтому остается предположить, что Иоанн Никиуский при составлении этой начальной части своего труда не особенно заботился об ее содержательной отделке, видя в ней пусть и необходимый, но все же сравнительно малозначимый раздел создаваемого сочинения, призванный главным образом к тому, чтобы служить введением к описанию им последующих, более существенных, с его точки зрения, событий (отсюда, по-видимому, и принятие Иоанном Никиуским в данном случае простого принципа: «как получилось, так получилось»). При всем том, однако, отнюдь не исключено, что подобная ситуация с начальной частью его сочинения была еще более усугублена позднее, уже в процессе деятельности переводчиков, которые вполне могли внести некоторые (какие именно, правда, сказать трудно) сокращения в оригинальный текст. Но даже если и так, оснований для того, чтобы считать данные сокращения здесь весьма значительными, не имеется, а следовательно, нет и причин для сомнений в том, что главная ответственность за то, какой оказалась в содержательном отношении эта начальная часть «Хроники», лежит на самом ее авторе, т.е. на Иоанне Никиуском.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Charles, R.H. 1916: *The Chronicle of John, Bishop of Nikiu, Translated from Zotenberg's Ethiopic Text by R. H. Charles*. London.

Crum, W.E. 1939: *A Coptic Dictionary*. Oxford.

Elagina, D. 2018: *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiou: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version*. Diss. Hamburg.

Erman, A., Grapow, H. 1930: *Wörterbuch der Ägyptischen Sprache*. Bd. IV. Leipzig.

Eskhult, J. 2014: The Primeval Language and Hebrew Ethnicity in Ancient Jewish and Christian Thought until Augustine. *Revue d'études augustiniennes et patristiques* 60, 291–347.

Fiaccadori, G. 2009: John of Nikiou. In: D. Thomas, B. Roggema (eds.), *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. I. Leiden–Boston, 209–218.

Fokin, A.R. Epifaniy Kiprskiy [Epiphanius of Cyprus]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Vol. XVIII. Moscow, 557–580.
Фокин, А.Р. 2008: Епифаний Кипрский. В кн.: *Православная энциклопедия*. Т. XVIII. М., 557–580.

Frantsouzoff, S.A. 2010a: Ioann, ep. Nikiuskiy [John, the Biship of Nikiu]. In: *Pravoslavnaya entziklopediya* [*Orthodox Encyclopedia*]. Vol. XXIII. Moscow, 371–372.

[22] Как, скажем, поступил, когда описывал у себя греко-римские мифологические «древности», анонимный автор «Пасхальной хроники» (первая половина VII в.).

Французов, С.А. 2010a: Иоанн, еп. Никиуский. *Православная энциклопедия*. Т. XXIII. М., 371–372.

Frantsouzoff, S.A. 2010b: Khronika Ioanna Nikiuskogo: nekotorye osobennosti yazyka i soderzhaniya [The Chronicle of John of Nikiu: Some Specifics of Its Language and Contents]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [*Bulletin of St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities* 4 (22). *Ser. III: Filologiya* [*Series III: Philology*], 77–86.

Французов, С.А. 2010b: Хроника Иоанна Никиуского: некоторые особенности языка и содержания. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета* 4 (22). Сер. III: Филология, 77–86.

Frantsouzoff, S.A., Kalchenko, E.S., Khizhniakova, S.O. 2025: On the Original Language and Translations of John of Nikiu's Chronicle. *Vostok (Oriens)* 5 (forthcoming).

Frazer, P.M. 1991: John of Nikiou. In: *The Coptic Encyclopedia*. Vol. V. New York–Toronto, 1366–1367.

Gale, R., Gasson, P., Hepper, N., Killen, G. 2000: Wood. In: P.T. Nicholson, I. Shaw (eds.), *Ancient Egyptian Materials and Technology*. Cambridge, 334–371.

Gusarova, E.V. 2022: A Case of Məhərkä Dəngəl. How an Ethiopian Historian Left the "Alexandrian Faith" and Became a Roman Catholic. *Scrinium* 18, 427–433.

Howard-Johnston, J. 2010: *Witnesses to a World Crisis. Historians and Histories of the Middle East in the Seventh Century*. Oxford.

Kholod, M.M. 2022: Alexandr Velikiy v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [Alexander the Great in the Chronicle of John of Nikiu]. *Mnemon* 22 (1–2), 297–317.

Холод, М.М. 2022: Александр Великий в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Мнемон* 22 (1–2), 297–317.

Kholod, M.M. 2023: The Argead Kings of Macedonia in the Chronicle of John of Nikiu. *Karanos. Bulletin of Ancient Macedonian Studies* 6, 63–79.

Kholod, M.M. 2024a: Kir Velikiy v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [Cyrus the Great in the Chronicle of John of Nikiu]. *Proslogion* 7 (2), 78–97.

Холод, М. М. 2024a: Кир Великий в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Proslogion* 7 (2), 78–97.

Kholod, M.M. 2024b: Persidskiy tsar Kambis v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [The Persian King Cambyses in the Chronicle of John of Nikiu]. *ΣΧΟΛΗ* 18 (2), 606–628.

Холод, М.М. 2024б: Персидский царь Камбис в «Хронике» Иоанна Никиуского. *ΣΧΟΛΗ* 18 (2), 606–628.

Kopaneva, D.D. 2022: Rimskiy imperator Neron v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [The Roman Emperor Nero in the Chronicle of John of Nikiu]. *Mnemon* 22 (1–2), 318–324.

Копанева. Д. Д. 2022: Римский император Нерон в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Мнемон* 22 (1–2), 318–324.

Ladynin, I.A. 2024: XIX glava «Khroniki» Ioanna Nikiusskogo i evolutsiya solnechnogo kulta v Egipte «0-oy»–IV dinastiy. Chast' I. [Chapter XIX of the Chronicle of John of Nikiu and the Evolution of the Egyptian Solar Cult under Dynasties "0"–IV. Part I]. *Vostok (Oriens)* 6, 21–32.

Ладынин, И.А. 2024: XIX глава «Хроники» Иоанна Никиусского и эволюция солнечного культа в Египте «0-й»–IV династий. Часть I. *Восток (Oriens)* 6, 21–32.

Ladynin, I.A. 2025a: XIX glava «Khroniki» Ioanna Nikiusskogo i evolutsiya solnechnogo kulta v Egipte «0-oy»–IV dinastiy. Chast' II. [Chapter XIX of the Chronicle of John of Nikiu and the Evolution of the Egyptian Solar Cult under Dynasties "0"–IV. Part II]. *Vostok (Oriens)* 1, 26–37.

Ладынин, И.А. 2025a: XIX глава «Хроники» Иоанна Никиусского и эволюция солнечного культа в Египте «0-й»–IV династий. Часть II. *Восток (Oriens)* 1, 26–37.

Ladynin, I. A. 2025b: K rekonstruktsii pervonachalnogo cyuzheta o nashestvii na Egipet Navukhodonosora II (po dannym antichnykh i srednevekovykh narrativov [A Reconstruction of the Original Story about the Incursion of Nebuchadnezzar II into Egypt (from the Classical and Medieval Narratives)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 2, 5–17.

Ладынин, И.А. 2025б: К реконструкции первоначального сюжета о нашествии на Египет Навуходоносора II (по данным античных и средневековых нарративов). *ПИФК* 2, 5–17.

Nöldeke, T. 1883: Rez. La Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte étiopien publié et traduit par H. Zotenberg. 4Paris. Imprimerie nationale 1883. (Extrait des Notices des Manuscrits. Tome XXIV, Ire partie. – 10 und 488 S. in Quart). *Göttingische Gelehrte Anzeigen* 2, 1364–1374.

Vasilik, V.V., Kopaneva, D.D. 2022: Obraz Konstantina Velikogo v «Khronike» Ioanna Nikiuskogo [The Image of Constantine the Great in the Chronicle of John of Nikiu]. *Mnemon* 22 (1–2), 325–340.

Василик, В.В., Копанева. Д.Д. 2022: Образ Константина Великого в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Мнемон* 22 (1–2), 325–340.

Weninger, S. 2007: John of Nikiu. In: *Encyclopedia Aethiopica*. Vol. III. Wiesbaden, 298–299.

Witakowski, W. 2006: Ethiopic Universal Chronology. In: M. Wallraff (ed.), *Julius Africanus und die christliche Weltchronistik*. Berlin–New York, 285–301.

Zotenberg, H. 1883: *Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte étiopien publié et traduit par H. Zotenberg*. Paris.

THE OLDEST (OLD TESTAMENT AND ANCIENT MYTHOLOGICAL) PAST IN THE CHRONICLE OF JOHN OF NIKIU

Maksim M. Kholod

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

E-mail: mmkholod@yandex.ru

The present essay focuses on the initial part of the *Chronicle* of John of Nikiu (late 7th century), which covers the events of the Old Testament and the mythological past of antiquity (ch. I–L, LII–LV). The author concludes, among other things, that in compiling this section, John did not pay particular attention to its substantive refinement, viewing it as a necessary but relatively minor part of his work, intended primarily to serve as an introduction to the description of subsequent events, which he considered more significant.

Keywords: John of Nikiu, Chronicle of John of Nikiu, the Old Testament, ancient mythology, John Malalas, Byzantine chronicles